

ВЗАИМОСВЯЗЬ КАТЕГОРИЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ВИНЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Хусейн Вахаевич Идрисов

Чеченский государственный университет им. А. А. Кадырова, Грозный, Россия,
huseyn23@rambler.ru

Аннотация. В статье приводится научный анализ категорий вины и ответственности с учетом подходов, сформировавшихся в лингвистике, социологии, психологии и юриспруденции. Отмечается, что понятия вины и ответственности, как явления, наполненные конкретным историческим содержанием и характером, представляют из себя полинаучные категории и выступают предметом исследования многих наук: психологии, юриспруденции, истории философии, социологии. В рамках статьи рассматриваются основные теории девиантности, формулирующие поведение субъекта, отклоняющегося от нормального: экономическая теория девиантности, теория неоднородности и изменчивости нормативно-ценностной системы общества, теория социальной дестабилизации и теория стигматизации. Кроме того, в рамках исследуемых явлений с правовой точки зрения, приводятся статистические данные по уровню преступности, приведенные по выборке разных периодов как в целом по Российской Федерации, так и по Северо-Кавказскому федеральному округу. В заключении статьи делается вывод о том, что собственную линию поведения в социуме субъект выстраивает исходя из внутренней установки, имеющейся альтернативы, свободы выбора, руководствуясь собственными желаниями и интересами. И если такой выбор сделан в сторону девиантного поведения, то такой факт неизбежно опосредует процесс наступления для правонарушителя юридической ответственности с социально-правовой точки зрения и претерпевание индивидом чувства вины с психологической точки зрения.

Ключевые слова: свобода выбора, вина, чувство вины, ответственность, теории девиантности, преступность

Для цитирования: Идрисов Х. В. Взаимосвязь категорий ответственности и вины: лингвистический, психологический и социально-правовой анализ // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 54–64. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-54-64>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CATEGORIES OF RESPONSIBILITY AND GUILT: LINGUISTIC, PSYCHOLOGICAL AND SOCIO-LEGAL ANALYSIS

Hussein V. Idrisov

Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia, huseyn23@rambler.ru

Abstract. The article provides a scientific analysis of the categories of guilt and responsibility, taking into account the approaches formed in linguistics, sociology, psychology and jurisprudence. It is noted that the concepts of guilt and responsibility, as phenomena filled with specific historical content and character, are poly-scientific categories and are the subject of research in many sciences: psychology, jurisprudence, history of philosophy, sociology. The article examines the main theories of deviance that formulate the conduct of a subject deviating from the normal: the economic theory of deviance, the theory of heterogeneity and variability of the normative value system of society, the theory of social destabilization and the theory of stigmatization. In addition, within the framework of the studied phenomena from a legal point of view, statistical data on the crime rate in the Russian Federation, conducted on a sample

of different periods, are provided. In conclusion, the article concludes that the subject builds his own line of behavior in society based on an internal attitude, an available alternative, freedom of choice, guided by his own desires and interests. And if such a choice is made towards deviant behavior, then such a fact inevitably mediates the process of the offender's legal responsibility from a socio-legal point of view and the individual's suffering of guilt from a psychological point of view

Keywords: freedom of choice, guilt, responsibility, theories of deviance, crime

For citation: Idrisov H. V. The relationship between the categories of responsibility and guilt: linguistic, psychological and socio-legal analysis. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(4):54–64. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-54-64>

Введение

Категории вины и ответственности представляют из себя, в первую очередь, психологические понятия, но вместе с тем, они не в меньшей, а может и большей степени носят историко-правовой и социально-правовой характер.

Вина и ответственность безусловно взаимосвязанные, взаимообуславливаемые понятия и элементы, в том числе и механизма государственного принуждения. Более того юридическая природа исследуемых категорий вытекает из их объективного понимания как психологических понятий. Исходя из этого, в юриспруденции данные элементы получают свою «правовую окраску» и интерпретируются посредством терминов «юридическая ответственность» и «вина правонарушителя».

В разные эпохи генезиса общества и государства понимание ответственности и одного из его элементов – вины было неоднозначное, а порой и даже противоречивое. На заре возникновения человеческого общества отношение к ответственности, ее понимание и реализация сводились к элементарно примитивному уровню по принципу талиона – око за око, зуб за зуб, когда в большинстве случаев наказанием за деяние предусматривалась смерть причинителя вреда, независимо от того виновен был он или нет за действия, из-за которых наступали известные негативные последствия (убытки, ущерб, вред). Впоследствии, по мере развития и социума, и государственных институтов генезис ответственности в историческом разрезе получил свое воплощение на современном этапе развития демократических институтов в виде формулирования ее с позиций принципа вины.

Категории вины и ответственности являются предметом изучения многих наук, в частности, юриспруденции, истории философии, социологии, психологии. Исходя из этого, а также того, что любой человек, как потенциальный «носитель» вины и субъект ответственности, выступает субъектом психической деятельности и субъектом социального взаимодействия, при правовой характеристике исследуемых категорий не учитывать вышеуказанные обстоятельства не представляется возможным.

Важным элементом в процессе становления личности, а также в формировании правовой культуры выступает и правосознание индивида. Речь в данном случае идет о свободном индивиде, ибо только опираясь на фундамент свободы можно говорить о праве как таковом и о правосознании индивида в том числе. И совершенно справедливо подчеркивает Д. Ю. Шапсугов, исследуя генезис права, ведущую роль категории свободы, как важнейшего фактора становления представлений о праве [1, с. 14]. Правосознание как элемент структуры личности, формируемое, в том числе, и посредством «свободного» психолого-педагогического воспитания является важной составляющей в реализации поведения индивида. Отсутствие правосознания или его недостаточная степень, сопряжены с риском реализации субъектом того поведения, которое считается неэтичным, антиобщественным, и, в конечном счете, неправомерным. И как результат отсутствия должного внимания к указанным процессам можем наблюдать наличие в социуме фактора правового нигилизма, рискующего впоследствии перерасти в крайние формы поведения субъекта: в экстремизм и терроризм.

Неправомерное поведение субъекта предполагает своим закономерным результатом реакцию на такое положение вещей со стороны общества и государства. Другими словами, неправомерное поведение индивида характеризуется посредством таких юридических категорий как вина и ответственность. В рамках данной работы мы будем в большей степени

оперировать пониманием юридической ответственности с точки зрения ретроспективной (негативной) составляющей своего сущностного содержания. Хотя при это следует отметить, что ответственность как юридическая категория имеет и позитивное (проспективное) наполнение в своей природе, в плане того, что субъект действия может ответственно относиться к собственным поступкам, делам, что является залогом правомерной, «ответственной» личности и деятельности, которую она ведет.

При этом важно понимать, что вина – не есть ответственность и ответственность – это не только вина, хотя это и взаимосвязанные научные категории, психолого-правовые явления, но они не тождественны.

При научном анализе вины и ответственности перед исследователем возникают следующие вопросы: как человек понимает вину, как определяет ее сущность, какова природа ответственности? С какими эмоциями и чувствами связано претерпевание вины индивидом? Какая взаимосвязь существует между виной и ответственностью? Как правило, вине свойственна характеристика как осознаваемой самим индивидом реакции на результат девиантного поведения. Закономерно, что исследователя-юриста вина и ответственность интересуют как правовые категории. Вместе с тем необходимо отметить, что общее представление и суждение о вине и ответственности как научных категориях, могут сформироваться только при интегрированном, комплексном подходе, путем синтеза представлений об этих явлениях, сформировавшихся в обозначенных выше нами науках. Комплексный подход к исследованию вины и ответственности позволяет при изучении каждого отдельного объекта, элемента рассматривать эти явления как сложные динамические механизмы, которые определенным образом связаны между собой и с внешней средой, в которой находится субъект действия, что в свою очередь может оказать влияние на более качественное понимание традиционной юридической конструкции «состав правонарушения».

Результаты и обсуждение

Лингвистический и психолого-правовой анализ вины и ответственности

Как известно, любое научное исследование должно оперировать объективным понятийным аппаратом. Не является исключением из этого правила и настоящее исследование. Итак, как же понимается вина и ответственность с точки зрения лингвистической науки, какова этимология указанных понятий?

При обращении к Толковому словарю Д.Н. Ушакова находим, что в нем вина понимается как «проступок, прегрешение, провинность»¹. В свою очередь, ответственность сформулирована как некое состояние, обязанность лица нести полный отчет за результат своих действий, за их последствия². Похожие определения вины и ответственности находим и в других толковых словарях [2–3]. Лингвистический анализ указанных категорий позволяет сделать вывод о том, что с точки зрения науки о языке, вина как явление представляет собой некий результат поведения индивида, который опосредует наступление неблагоприятных последствий для других лиц. Что же касается ответственности, то она понимается как соответствующая реакция (в лице государства, общества) на такой негативный результат поведения индивида, предполагающая необходимость несения субъектом вины негативных последствий своего виновного поведения.

Не менее важным является характеристика понятий вины и ответственности с точки зрения психологической науки, потому что, любой индивид, являясь субъектом психической деятельности, является и потенциальным носителем чувства вины и ответственности. Нет и не может быть человека, который не испытывал бы в своей жизни чувства вины и не подвергался мерам ответственности (например, наказание от родителей за плохое поведение ребенка, административный штраф за нарушение правил дорожного движения, дисциплинарное наказание за ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей работником и т.д.).

¹ Толковый онлайн-словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru> (дата обращения: 15.05.2022).

² Там же.

Научное исследование категорий вины и ответственности, которые являются предметом научных интересов автора настоящей работы на протяжении последних двадцати лет, позволяют сделать вывод о том, что психологическая трактовка вины и ответственности подразумевает их характеристику с позиции такого психологического состояния личности, такого внутреннего дискомфортного ее состояния, возникающего в ситуациях, когда человек претерпевает негативные эмоции (чувство вины, стыда, самоосуждение) в связи с отрицательной оценкой своих действий, вследствие нарушения им установленных императивов, стандартов поведения в социуме. В свою очередь, и социум дает соответствующую оценку такому поведению индивида, которая выражается в применении к нему мер ответственности. Такое состояние индивида и такая реакция социума выступают регуляторами отношений на внутреннем и межличностном уровне. Вместе с тем, как считают О. Васильева и Е. Короткова «вина, призванная играть в жизни общества роль социального регулятора, способствующего его интеграции, на практике приобрела дизъюнктивные функции». Объясняют они это явление тем, что «в психической реальности преобладают неосознаваемые, иррациональные формы вины, затрудняющие общение и снижающие способность человека к социальной адаптации» [4].

С точки зрения же права вина – это личное отношение (психическое, волевое и т.п.) правонарушителя к результатам своего действия (бездействия), имеющее юридическое последствие, а ответственность – это установленная государством обязанность индивида претерпеть лишения личного и (или) имущественного характера в зависимости от степени общественной опасности правонарушения.

Немаловажными при анализе ответственности и вины являются такие категории как воля, волеизъявление и интерес, потому что в вина как результат негативного поведения индивида невозможна без «поведения как такового». В свою очередь, поведение индивида (его действия, поступки) – это есть результат его волеизъявления, то есть выражения воли во вне субъекта психики через определенные действия. Иногда, этот результат бывает противоположен, а намерения бывают упречны, в ситуации, когда поведение субъекта причиняет определенный ущерб (убытки, вред, ущерб) другим лицам. Далее, если рассуждать по восходящей линии, воля, как элемент психической деятельности человека, характеризуется, как осознаваемая индивидом в результате его свободной деятельности, необходимость, нужда в определенном и конкретизированном целедостижении.

При юридической характеристике определение элемента воли дополняется тем, что такое целедостижение опосредуется потенциально существующими рисками несения правовых последствий для самого субъекта воли и волеизъявления. Целедостижение или осознанная необходимость, нужда в чем-либо, поставленная цель могут быть определены как интерес индивида в чем-либо (материальный (имущественный) и нематериальный (духовный)). Соответственно, субъект в своей деятельности (поведения, действия, поступки) всегда руководствуется своей волей, выражается его поведение через личное волеизъявление и направлено такое поведение на реализацию конкретного интереса (удовлетворение материальных и духовных потребностей). И, таким образом, нетрудно заметить, что категории воли, волеизъявления и интереса не только взаимосвязаны друг с другом, но и больше – взаимообуславливаемы и они коррелируют с другими исследуемыми нами категориями – виной и ответственностью. Категории воли, волеизъявления и интереса интерпретируются психологической наукой, однако они находят свое оперирование и в нормах права. Так, эти термины употребляются в структуре норм ряда статей кодифицированных нормативно-правовых актов России¹.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2022); Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2022); Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2022).

Как известно из общей теории права, юридическая ответственность классически распадается на следующие элементы, образующие структуру ее классификации: уголовно-правовая, административно-правовая, гражданско-правовая и дисциплинарно-правовая.

Каждый вид юридической ответственности в российской системе права регулируется соответствующим сводом законов – кодексом¹. При этом любая из разновидностей юридической ответственностей имеет свою сложную структуру, ее образующие элементы (правонарушение, его элементы). В частности, для механизма уголовно-правовой ответственности характерно наличие такой структурной составляющей как состав преступления, включающего такие элементы, как: субъект и объект преступления, объективная и субъективная его сторона. В этой системе вина интерпретируется через субъективную сторону преступления. Что же касается другого вида юридической ответственности – гражданско-правовой, то ей свойственно опосредование через понятие «состав гражданского проступка», включающего структурно следующие элементы: противоправность поведения, убытки (ущерб, вред), причинно-следственная связь между противоправным поведением и негативным его результатом, и субъективная сторона – вина нарушителя гражданско-правовых норм. В отношении иных видов ответственности (дисциплинарной и административной) существует схожая структура через их интерпретацию посредством дисциплинарного и административного проступка. Важно отметить при этом, что понимание вины, например, в уголовно-правовой ответственности и в гражданско-правовой, по нашему мнению, отличаются, хотя оба вида ответственности являются родовыми по отношению к самому явлению юридической ответственности. Вместе с тем в гражданско-правовой литературе (особенно советского периода) можно встретить определения вины, «заимствованные» из уголовно-правовой науки без учета специфики гражданско-правовых отношений и гражданско-правовой ответственности, что, по нашему мнению, является серьезным упущением современной цивилистической науки.

Категория юридической ответственности опосредована категорией правонарушения, одним из элементов которого является и вина. В отношении понятия правонарушения и, учитывая сложный его структурный механизм и процесс правореализации, связанных с ним и правовых отношений, оно интерпретируется отдельными исследователями как сложносоставное правовое явление, которое включает в себя ряд факторов: экономический, психологический, юридический, информационный, социальный и биологический [5].

Научное обоснование вины, как необходимого условия ответственности, определяется учением о детерминации человеческого поведения и свободе воли. Под детерминацией понимается предопределенность человеческого поведения, его действий объективными закономерностями развития общества, а также совокупностью конкретных социальных условий и субъективных факторов.

Вместе с тем, объективная и субъективная обусловленность человеческого поведения не исключает возможности выбора в конкретной ситуации различных вариантов поведения. Не вызывает сомнения тот факт, что «человек производит выбор линии поведения под влиянием как внутренних (психологических), так и внешних (социальных, физических и др.) факторов. Меры социального контроля, нормы права и морали также входят в число тех обстоятельств, которые подлежат учету и анализу при принятии решения. Если человек в состоянии сделать выбор (свободный человек), он ответственен за него» [6].

---

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2022); Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2022); Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2022); Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 13.05.2022).

Вина проявляется в таких ситуациях, когда у человека была возможность выбирать из нескольких вариантов поведения, но был выбран именно противоправный вариант, который, естественно, предполагает ответственность правонарушителя. То есть, сначала необходимо создать субъекту свободные условия [1] выбора линии поведения, самостоятельность, а потом, в случае отклоняющегося поведения привлекать его к ответственности. Другими словами, человек должен нести ответственность, если из имеющихся вариантов поведения, он прибег к противоправным методам поведения, вследствие чего нарушил права и причинил ущерб, хотя мог и избежать таких последствий, в случае выбора правовых вариантов собственной линии действий.

К тому же нужно указать, что выбор человеком правомерных, или наоборот, противоправных вариантов поведения предполагается, что это априори происходит совершенно сознательно и добровольно.

Основные теории девиантности личности

Ученых-исследователей привлекает, прежде всего, установление факторов принятия человеком девиантной модели поведения. Причины, по которым субъект действия выбирает противоправные варианты поведения, различны. Наиболее полную картину таких причин иллюстрируют так называемые теории девиантности и преступности: экономическая теория девиантности, теория неоднородности и изменчивости нормативно-ценностной системы общества, теория социальной дестабилизации, теория стигматизации.

В рамках данного исследования не будем слишком подробно вдаваться в детали указанных теорий, вместе с тем, подчеркнем главную мысль, вокруг которой они объединяются. Итак, рассмотрим вкратце их главные положения.

Экономическая теория девиантности соединяет в себе теорию экономической депрессии, теорию экономической экспансии, теорию социального сравнения. Центральная мысль данной теории состоит в том, что «как в периоды экономического спада, так и в периоды подъема люди разделены на бедных и богатых. Бедные вынуждены удовлетворять свои витальные потребности нередко противозаконными способами. Конечно, богатые тоже совершают преступления, но их девиантность обусловлена не объективной нехваткой средств существования, а такими пороками, как жадность и стяжательство, необузданное стремление к обогащению и увеличению своей власти над другими» [7].

Как известно, любое общество (социум) на любом этапе своего развития представляет из себя сложную структуру взаимодействия, в которой выделяются различные социальные слои и категории. Так, в любом социуме можно выделить базовые три социальных слоя: бедные (социально не защищенный класс), средний класс (люди со средними доходами и качеством жизни) и богатые (привилегированный класс). В ситуации, когда удельный вес людей, относящихся к бедным, начинает преобладать структуре общества, то это указывает на явный признак проблем в государстве, носящих системный и деструктивный характер (начиная от проблем социально-экономического и политического характера, и, заканчивая духовно-нравственным кризисом в социуме). Далее, присутствие в структуре общества представителей среднего класса на уровне примерно 1/3 его состава – это признак здорового социума, его нормального и качественного развития, и действенности государственно-правовых институтов.

Факт наличия в социуме представителей среднего класса на должном уровне является залогом «здорового» общества и те ресурсы (в большей степени, финансовые), которые сосредоточены в потенциале у среднего класса, позволяют представителям данной социальной прослойки обеспечить себе достойное качество жизни, уровень дохода и удовлетворения, в первую очередь, витальных материальных потребностей. Исходя из этого, эта социальная прослойка в силу наличия своеобразного социального «иммунитета» отличается более высокой социально-экономической и финансовой устойчивостью, к возникающим в тот или иной период всякого рода потрясениям экономического характера, которые мы можем наблюдать особенно часто в современный период в мировой экономике. В ситуации же наоборот, когда представителей среднего класса становится все меньше и меньше

в социальной структуре общества, либо их в принципе нет в этой структуре, то это чревато комплексом системных проблем социально-экономического и даже политического характера. Более того такое положение дел неизбежно ведет к запуску механизма (своеобразного триггера), образующего факторы высокого социального напряжения между остальными двумя социальными классами в структуре общества – богатыми и бедными, что само собой в дальнейшем формирует почву девиантности в таком обществе. Существующее социальное неравенство между классом бедных и богатых выступает, по мнению представителей социально не защищенного класса, последствием социальной несправедливости и, в конечном итоге, является причиной девиации социальной структуры, так как представители бедного слоя имеют мнение о своей ущемленности в таком социуме по причине социальной несправедливости, которую допускают государственно-правовые институты в угоду богатому классу. Соответственно, реакцией на такое положение дел в некоторых случаях выступает и девиантное поведение представителей указанного класса.

Теория субкультур, социально-психологический вариант теории контроля, частично теория аномии Дюркгейма объединены в одну общую теорию неоднородности и изменчивости нормативно-ценостной системы общества. Не слишком вдаваясь во все подробности и перипетии данной теории, укажем, что главная ее идея состоит в том, что «единая культура общества раздроблена на противостоящие друг другу субкультуры, задающие людям совершенно разные ментальные и поведенческие ориентации и стандарты. Это обстоятельство и выступает главным конфликтогенным и девиантогенным фактором в обществе. Но субкультурная раздробленность общества во многом сама является следствием социальной несправедливости, разделяющей людей на группы и страты с несовпадающими ценностно-нормативными системами» [7].

Теория социальной дестабилизации показывает, что общество в состоянии стабильности находится не всегда. Существуют периоды в его развитии, когда в силу многих факторов, происходит дестабилизация общества, из-за чего государственные и социальные институты не могут осуществлять в полной мере контроль поведения отдельных личностей, так и социальных групп. А они (отдельные индивиды и социальные группы), наблюдая данные противоречиями системы государственных и социальных отношений и институтов, девиантно реагируют на данную ситуацию.

Одним из показательных примеров в рамках вышесказанного, является чеченское общество, которое формировалось в условиях постоянных внешних угроз, и которое на протяжении всей истории своего развития подвергалось различным катаклизмам и бедствиям. Так, еще с периода Кавказской войны (с периода 30-х гг. XIX в.), ставшей результатом реализации царской колониальной политики на Кавказе, продолжая гражданской войной (сражения которой происходили и на территории современной Чеченской Республики) после прихода к власти большевиков в результате Октябрьской революции, продолжая массовой высылкой всех вайнахов (чеченцев и ингушей) в 1944 г. в холодные и голодные степи Казахстана и Киргизии в период Великой Отечественной войны (далее – ВОВ), и, закачивая трагическими и, порой, катастрофическими событиями 90-х годов прошлого века (первая и вторая чеченские военные кампании), чеченский социум все время находился в состоянии выживания, порой и на грани исчезновения (за исключением тех немногочисленных отрезков исторического времени, когда не было войн, голода и рузрухи). И, разумеется, в такой ситуации не является странным обстоятельство, что отдельные представители этноса имели девиантное поведение при том, что еще остается под большим вопросом, какими целями они руководствовались в складывающихся обстоятельствах того времени и событий. Вместе с тем такие единичные случаи и частичные отклонения не могли и не должны были становиться причиной коллективной ответственности всего вайнахского народа. История вайнахов знает много случаев такой «коллективной» ответственности: карательные операции царских войск, связанные с сжиганием целых аулов (*чеч. – эвла, юрт*) в период Кавказской войны; так называемое «повальное раскулачивание» и ссылка в Сибирь во времена сталинских репрессий 30-х годов, массовая депортация в Казахстан и Киргизию чеченцев

и ингушей в период ВОВ (23 февраля 1944 г.), когда на фронтах этой войны долг Родине отдавали порядка 50 тыс. вайнахов. Такое несправедливое отношение власти к целому народу в тот период также, наряду с другими факторами, служило причиной девиантности поведения отдельных представителей населения.

При этом необходимо указать, что первопричиной социальной дестабилизации, ведущей к девиантному поведению, также выступает социальная несправедливость (как внутренний фактор). Подобные явления мы склонны наблюдать в современное время и на территории отдельных государств постсоветского пространства, в которых периодически вспыхивают социальные конфликты и потрясения, так называемые «цветные революции». Несомненно, кроме обозначенного выше внутреннего фактора, этим событиям известный импульс придают и внешние факторы, порой и прямое вмешательство различных стран-интересантов во внутренние дела независимого государства.

Рассматривая теорию стигматизации, исследователь наталкивается на некоторые теоретические затруднения, однако они «исчезают, если стигматизацию определить, как несправедливое навешивание позорящего ярлыка на человека или определенный вид поведения, что, как представляется, более соответствует глубинной сути обсуждаемых теорий, да и языковой интуиции рядового человека. Объяснительный потенциал концепции стигматизации можно использовать при описании процесса воспроизводства преступности, протекании девиантной карьеры, возникновении социально-неадекватных норм и их влиянии на уровень девиантности в обществе, «системного насилия» и т.д.» [7]. Другими словами, социальная несправедливость, порождаемая государственными и социальными институтами, трансформируется в правонарушения представителей социума. И оттого, насколько девиантно общество, можно судить и о законности, и справедливости социальных и государственных институтов. Теорию стигматизации пропустила буквально «через себя» и чеченская нация в новейшее время в силу известных трагических событий 90-х годов прошлого века (первая и вторая чеченские войны). Пожинать плоды такого «ярлыкового» отношения к целому народу продолжает и новое поколение людей, выросших на руинах разрушенной, но не сломленной нации.

Несмотря на разные подходы, все эти теории объединяются в рамках одной концепции – концепции социальной несправедливости. Именно социальная несправедливость порождает противоправное поведение – поведение, отклоняющееся от нормального. Противоправное поведение, то есть поведение, нарушающее нормы права (уголовного, гражданского, трудового и др.) материализуется в печальной статистике совершаемых год от года преступлений и проступков. К слову сказать, «в России наблюдается постоянный рост уровня преступности. Если в 1985 г. уровень общей преступности на 100 тыс. населения составлял 989,8, то в 2000 г. – 2018,2; многие исследователи объясняют это явление аномией, то есть отсутствием адекватного законодательства, регулирующего экономические, социальные, политические отношения между гражданами и социальными институтами. Резкий скачок преступности в 1999 г. объясняют реакцией на ухудшение экономического положения, социальную и политическую нестабильность после экономического кризиса 1998 года» [7]. К примеру, если взять статистические данные уровня преступности по региону Северо-Кавказского федерального округа, в частности, по Ставропольскому краю как административному центру данного федерального округа, то они не противоречили показателям динамики преступности, указанной выше, в общем по всей России. Так, если обратимся к цифрам статистики, то «в 1993 году в Ставропольском крае было зарегистрировано 36 623 преступления, то в 1999 году – 48 214, то есть рост в процентном соотношении к уровню преступности 1993 года составлял 131,6%; если в 1994 году количество преступлений на 10 тысяч населения составляло 131,4, то в 1999 году – 179,7» [8].

Начиная с периода 2014 г., и по 2018 г., в России наблюдалась тенденция к снижению уровня преступности. Так, по данным официального сайта Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС) в России в 2014 г. на каждые 100 тыс. чел. населения уровень преступности составил 1500, 2, а на период 2018 г. этот показатель был

1355, 8 (снижение на 9,6 %). Если брать статистику по региону Северо-Кавказского федерального округа, получим следующие данные: в 2014 г. на каждые 100 тыс. чел. уровень преступности составлял 726,7, а на период 2018 г. такой показатель составил уже 712,4, то есть фиксируем относительно небольшое снижение уровня преступности по региону Северо-Кавказского федерального округа на 1,9 %. И, наконец, если обратимся к данным по административному и географическому центру Северо-Кавказского федерального округа – Ставропольскому краю, то выглядеть они будут следующим образом: если в 2014 г. на каждые 100 тыс. чел. уровень преступности составлял 1197,9, то в 2018 г. данный показатель составил 1153,4, то есть фиксируем снижение на 3,7 %¹. Далее, если обратимся к показателю «выявлено лиц, совершивших преступление», то по нему наблюдаем следующую картину: начиная с периода 2015 г. и по 2021 г. в России наметилась тенденция по снижению общего количества лиц, совершивших преступление: с 1 075 333 чел. в 2015 г. до 848 320 чел. в 2021 г.²

Если немного сузить географию и обратиться к показателям по Северо-Кавказскому федеральному округу, то можем наблюдать следующую картину за исследуемый период: с 2015 г. и по 2019 г. включительно имелась тенденция к сокращению числа выявленных лиц, совершивших преступления: с 41 359 чел. в 2015 г. до 38 345 чел. в 2019 г. включительно. Однако, начиная с 2020 г., на территории Северо-Кавказского федерального округа наметилась закономерность к возрастанию числа лиц, совершивших преступления: с 38 577 чел. в 2020 г. до 39 439 чел. по результатам официальных данных статистики в 2021 г.³

Закономерность к росту числа лиц, совершивших преступления на территории СКФО, начиная с 2020 г., наблюдается и в результате анализа преступности в административном центре СКФО – Ставропольском крае: если с 2015 г. и по 2019 г. включительно в Ставропольском крае неуклонно сокращалось число лиц, совершивших преступления (с 17 827 в 2015 г. и до 14 441 в 2019 г.), то начиная с 2020 г., такая закономерность прервалась, и наметилась тенденция к повышению числа лиц, совершивших преступления: 15 016 чел. и 15 039 чел. в 2020 г. и 2021 г. соответственно⁴.

Приведенные данные официальной статистики по состоянию преступности в РФ демонстрируют следующую, очень важную закономерность: состояние уровня преступности – это явление динамического характера, и он (уровень преступности) имеет свойство меняться (понижение, повышение) в зависимости от процессов, которые складываются, в первую очередь, как внутри страны, так и, во-вторую очередь, за ее пределами, в зависимости от той или иной позитивной и негативной конъюнктуры. Другими словами, в период различных катаклизмов и потрясений государственного масштаба (локальные военные конфликты, политический кризис, финансово-экономический кризис, социальные волнения, революции) регистрируемый уровень преступности имеет тенденцию к повышению, и, наоборот, в период отсутствия потрясений и нормального развития общественных и государственных институтов, повышения уровня жизни населения и его комфортного существования, количество преступлений, регистрируемых год от года имеет тенденцию к сокращению (*прим.: в рамках данных статистических расчетов не принимается во внимание так называемая «латентная преступность», ибо не имеется достоверных данных по числу таких преступлений, совершаемых в год, в связи с чем уровень латентной преступности в рамках данного исследования отнесен к погрешности вычислений*).

Принимая во внимание продолжающуюся сложную политическую и экономическую ситуацию в России и вокруг нее (как на внутренней, так и на внешней арене), все еще продолжающийся глобальный кризис (включая кризис российской экономики, которая находится под давлением жесточайших международных санкций), мы можем прогнозировать, что уровень преступности в России в краткосрочной и среднесрочной перспективе будет иметь

¹ Данные официальной статистики по уровню преступности в РФ // Электронный ресурс // <https://www.fedstat.ru/indicator/58923> (дата обращения: 13.05.2022).

² Данные официальной статистики по количеству лиц, совершивших преступления в РФ // Электронный ресурс // <https://www.fedstat.ru/indicator/36210> (дата обращения: 15.05.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

вновь тенденцию к росту. Данный вывод, в частности, подтверждается и данными официальной статистики за 2020-21 гг. по СКФО и Ставропольскому краю. Эта тенденция должна быть принята в расчет официальными государственными институтами при планировании социально-экономического развития государства в ближайшей и среднесрочной перспективе в целях исключения потенциальной возможности роста уровня преступности в стране и пресечения девиантных факторов, формирующихся в обществе.

Заключение

Проведенный анализ категорий ответственности и вины, а также теорий девиантности позволяет сделать ряд выводов следующего характера. Наличие противоправного поведения предполагает наступление ответственности. Предпосылкой же ответственности изначально является девиантное поведение, хотя у субъекта была возможность свободного выбора, некоторой линии поведения (правомерного) из имеющейся альтернативы. Всякий выбор, опосредованный свободой, предполагает материализацию в поступке, то есть подразумевает действие. Продиктовано действие индивидуума внутренними императивами личности, его желаниями, интересами, жизненными принципами и внешними факторами – необходимостью и социальными императивами. Следовательно, предпосылкой правового поведения человека является его внутренняя, нравственная конституция, его внутреннее «Я», которое сформировалось до той степени, что является регулятором психической, а на основе психической, также и практической, деятельности личности на основе проспективной составляющей юридической ответственности. Ибо практическая деятельность личности есть результат отражения его психических процессов.

Таким образом, модель поведения человека в социуме всегда предполагает возможность выбора. Между тем такая альтернатива должна быть опосредована фактором свободы (сознание, свободная воля и интерес), то есть выбор должен происходить сознательно и добровольно. Другими словами, собственную линию поведения в социуме субъект выстраивает исходя из внутренней установки, имеющейся альтернативы, свободы выбора, руководствуясь собственными желаниями и интересами. И если при этих всех факторах и условиях человек допускает, и реализует нарушающий права вариант, модель поведения, свойственно говорить о девиантном поведении субъекта, а такая ситуация неизбежно опосредует процесс наступления для правонарушителя юридической ответственности с социально-правовой точки зрения и претерпевание индивидом чувства вины с психологической точки зрения.

Список источников

1. Шапсугов Д.Ю. Генезис права как предмет исследования: от действительности понятия о праве к действительности права как бытия (регулятивный – рассудочный и субстантивный – разумный подходы) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 9-20. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-9-20>.
2. Даль В. Толковый словарь великорусского языка, в 4 томах. Т.1. М., 1995.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. 797 с.
4. Васильева О., Короткова Е. Особенности переживания вины в современном обществе // Московский психотерапевтический журнал. 2004. Том 12. № 1. С. 48-72.
5. Малейн Н. С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. 192 с.
6. Генетика, поведение, ответственность: о природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Под ред. Н. П. Дубинина, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцева. М., 1989. 304 с.
7. Шипунова Т.В. Проблема синтеза теорий девиантности // Социологические исследования. 2004. № 12. С. 103-113.
8. Ванчикин Д. Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (на материалах Ставропольского края): дис. ... кандид. юрид. наук. Ставрополь, 2004. 179 с.

References

1. Shapsugov D. Yu. The genesis of law as a subject of research: from the reality of the concept about the law to the reality of the law as being (regulatory –rational and substantive – reasonable approaches). *North Caucasus Legal Vestnik*, 2021;(3):9–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-9-20>.
2. Dal' V. *Explanatory dictionary of the Great Russian language, in 4 volumes*. Vol. 1. Moscow, 1995. (In Russ.).
3. Ozhegov S. I. *Dictionary of the Russian language*. Moscow, 1986. 797 p. (In Russ.).
4. Vasil'eva O., Korotkova E. Features of guilt experience in modern society. *Moscow psychotherapy magazine*. 2004;(1):48–72. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Malein N. S. *Offence: Concept, the reasons, responsibility*. Moscow, 1985. 192 p. (In Russ.).
6. Dubinin N. P., Karpets I. I., Kudryavtsev V. N. *Genetics, behavior, and responsibility: the nature of antisocial behavior and ways to prevent it*. Moscow; 1989. 304 p. (In Russ.).
7. Shipunova T. V. The problem of synthesis of deviance theories. *Sociological research*. 2004;(12):103-113. (In Russ.).
8. Vanichkin D. E. *Criminological characteristics and crime prevention in the region (based on the materials of the Stavropol territory)*. Ph. D. (Law) diss. Stavropol; 2004. 179 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Х. В. Идрисов – кандидат юридических наук, доцент Чеченского государственного университета им. А. А.Кадырова.

Information about the author

H. V. Idrisov – Candidate of Law, Associate Professor of the Kadyrov Chechen State University

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 25.09.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 25.09.2022.